

УДК 316.422

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF RUSSIA'S MODERNIZATION

©*Баринов Д. Н.*

д-р филос. наук

Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия, novalenso@mail.ru

©*Barinov D.*

Dr. habil., Smolensk State University
Smolensk, Russia, novalenso@mail.ru

Аннотация. Проблема модернизации современного российского общества рассматривается с точки зрения социальной активности населения, которая не в последнюю очередь обусловлена спецификой национального менталитета. В этой связи обсуждается вопрос о том, насколько уровень социальной активности отвечает требованиям модернизации. Анализ данного вопроса опирается на результаты прикладных социологических исследований, проведенных различными исследовательскими организациями в разные периоды постсоветского развития российского общества. В статье делается вывод о том, что проблема модернизации связана с проблемой социокультурных изменений, направленных на формирование новой культуры, включающей не только паттерны потребления, но и модели социальной активности и трудового поведения.

Abstract. The problem of Russian society modernization is considered from the point of view of social activity of the population, which is not the least due to the specifics of the national mentality. In this regard, the question of whether the level of social activity meets the requirements of modernization is discussed. The analysis of this issue is based on the results of applied sociological research conducted by various research organizations in different periods of the post-Soviet development of Russian society. The article concludes that the problem of modernization is connected with the problem of socio-cultural changes aimed at the formation of a new culture, including not only patterns of consumption, but also patterns of social activity and labor behavior.

Ключевые слова: менталитет, модернизация, социальные страхи, страх перед реформами, социальная активность, инновации, социальная трансформация.

Keywords: mentality, modernization, social fears, fear of reforms, social activity, innovations, social transformation.

Зарождение концепций модернизации было связано с геополитическими причинами, в связи с чем под модернизацией понимался процесс перехода от традиционному к индустриальному обществу, образцом которого считалось западное общество (У. Ростоу, М. Леви, Д. Лернер и др.). Такой взгляд способствовал формированию представлений о том, что незападные общества в ходе модернизации преодолевают свое отставание, вбирая в себя

ключевые параметры социально–политического и экономического устройства стран–образцов (вестернизация).

В ходе эволюции концепций модернизации, усиления тенденций их критики в общественных науках постепенно формировался взгляд на модернизацию как на процесс трансформации общества с сохранением его национальной, социокультурной и институциональной специфики. Модернизация стала пониматься как совокупность изменений в различных сферах общества без строгой привязки к западной модели социального устройства [1–3]. Современные концепции рассматривают модернизацию как сложное и противоречивое явление, обусловленное многообразием факторов. Применительно к модернизации российского общества к числу таких факторов относятся и менталитет. Высказывается мысль о том, что модернизационные процессы должны регулироваться с учетом специфики ментальности, свойственной народам России, что расценивается как фактор успешности модернизации [4–5].

В то же время некоторые исследователи рассматривают модернизацию не как механическое заимствование западной модели, но и не как некий самобытный вариант, сохраняющий архаичные способы организации социальной, политической и экономической жизни. Модернизация определяется как развитие технологической базы, экономических видов деятельности, введение новых принципов управления, позволяющих стране достичь конкурентоспособности на глобальном рынке. Это предполагает и формирование новой культуры, соответствующей новым формам социальной деятельности (1, с. 52). С этой точки зрения менталитет, понимаемый как совокупность определенных паттернов, посредством которых определяется восприятие мира и регулируется деятельность, может рассматриваться не столько как условие успешности модернизации, сколько как препятствие на ее пути.

Как отмечают некоторые исследователи, в российской ментальности присутствует страх перед реформами, связанный с мобилизационным характером модернизационных волн, инициированных сверху. Неопределенность будущего, возникающая в условиях социальных изменений, лишает оснований долгосрочное планирование деятельности и фокусирует активность на сегодняшнем дне («здесь-и-сейчас»). Преобладание коллективистских ценностей в российской ментальности блокирует развитие индивидуализма и положительного отношения к тем, кто в одиночку добивается высоких результатов в тех или иных сферах общественной деятельности [6; 7, с. 161]. Между тем, как отмечает Б. Дубин, успех модернизации во многом зависит от инициативного и индивидуализированного типа поведения, системы его регулирования, участия граждан в социальных процессах, то есть от индивидуальной и коллективной социальной активности (2). С этих позиций, модернизация общества выглядит не только как технологическая, экономическая, но как социокультурная.

Исследования постсоветского периода развития России показывают невысокий уровень социальной активности граждан. Например, согласно «Европейскому социальному исследованию», в структуре ценностного профиля населения России в 2006 году преобладала безопасность. Готовность же рисковать (а вместе с риском и готовность принимать решения, брать на себя ответственность) оказалась на последнем месте [8, с. 37] при сравнительном анализе ценностных профилей России с другими странами выяснилось, что россияне в большей степени, чем жители Европы, склонны проявлять осторожность, выражать страх, искать защиту у государства. При этом потребность в творчестве, новизне по сравнению с европейцами ниже. Данное исследование выявило еще один важный момент. Россияне стремятся к богатству и личному успеху, к власти, но способы их достижения в сознании россиян не связаны с инновациями и творческим поиском [8, с. 47].

Одним из показателей социальной активности населения и его самоорганизации можно считать протестное поведение. В современном российском обществе протестный потенциал в стране невысок — россияне демонстрируют терпимое отношение к разного рода ущемлению своих прав и свобод, средств удовлетворения потребностей и реализации насущных интересов. По данным ВЦИОМ, даже в период усиления экономического кризиса в январе 2009 г. лишь 28% россиян ответили, что в их населенном пункте возможны массовые выступления протеста против падения уровня жизни, а 64% были уверены в том, что такие выступления маловероятны. Аналогичная картина наблюдается и с готовностью россиян лично участвовать в таких выступлениях. В феврале 2009 г. могли лично принять участие в массовых протестных выступлениях 22%, тогда как 66% россиян такой готовности не выразили. Важно подчеркнуть, что участвовать в массовых акциях протеста были готовы преимущественно те, кто оценил свое материальное положение как очень плохое (32%). А среди тех, кто оценил свое материальное положение как очень хорошее, лишь 19% высказали намерение лично участвовать в акциях протеста (3). В 2015 г. маловероятным массовые выступления считали 66% россиян, а 16% высказали готовность участвовать в них лично (4).

Следует отметить один важный момент. Только экономический кризис 1998 года, грозящий катастрофой, повлиял на рост протестных настроений. В ноябре 1998 г. 43% опрошенных высказали мнение, что массовые выступления вполне возможны (5). Однако, необходимо помнить, что протестные настроения еще не гарантируют протестных действий, хотя бы в силу расхождения между когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами установки (Г. Г. Дилигенский). Кроме того, как показывает опыт, протестные настроения и протестные действия нередко приводят к деструктивным последствиям, которые далеки от идеалов модернизации.

Одна из особенностей поведения россиянина, фиксируемая социологами на протяжении длительного времени, — это экономическая пассивность. Житель России не верит в свои способности изменить экономическую ситуацию. По данным «Левада-центра», большинство опрошенных россиян в декабре 1998 г. и в декабре 2008 г. (35% и 31% соответственно) ответили, что для улучшения своего материального положения «ничего предпринять не в состоянии» (1, с. 36). Опросы, проведенные этим же исследовательским центром в 2001–2010 гг., демонстрировали невысокий уровень достижительских установок россиян. Большинство жителей России (61%) считают себя людьми, которые добиваются «всего упорным трудом». Лишь 19% опрошенных назвали себя удачливыми людьми, которым везет. К их числу относятся молодые люди в возрасте 18–24 лет, лица, имеющие высшее образование и высокий уровень дохода. Однако, что более важно, 50% россиян считают, что их материальное положение определяют внешние обстоятельства, а не они сами. Кроме того, с января 2001 г. по апрель 2010 г. снизилось число тех, кто уверен в возможности собственными силами изменить свое материальное положение с 25% до 21%. В то же время в этот период возросло количество россиян, сетующих на отсутствие поддержки со стороны государства в решении их материальных проблем (с 22% до 25% соответственно) (6).

Подобные настроения отражают потребность россиян в государственной защите экономических интересов. В январе 2007 г. 42% россиян высказались за государственную поддержку убыточных предприятий, и только 20% — против. В большей степени такой точки зрения придерживались квалифицированные (47%) и неквалифицированные рабочие (49%), чем руководители (33%) и специалисты (33%). Большинство (91%) опрошенных высказали мнение, что правительство должно брать на себя решение проблемы занятости каждого, а 60% полагали, что правительство должно обеспечивать безработным достойный

уровень жизни [9, с. 74–76]. А с апреля 1997 г. по февраль 2008 г. среди россиян увеличилось количество сторонников экономической системы, основанной на государственном планировании и распределении с 43% до 51%, и снизилось число сторонников экономики, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, с 40% до 31% [9].

Таким образом, россияне возлагают на государство заботу о создании рабочих мест и высказывают неготовность самостоятельно решать проблему собственной занятости. Об этом свидетельствует и тот факт, что доля предпринимателей, то есть готовых идти на риск людей в современной России заметно не увеличилась. Так, по данным исследований ИКСИ РАН, в России с 1994 г. по 2006 г. вдвое возросло количество тех, кто хотел бы заниматься предпринимательством, с 6% до 12%. А количество тех, кто готов много работать и хорошо получать даже без особых гарантий на будущее, увеличилось в 2006 г. по сравнению с 1994 г. на 3% — с 23% до 26%. Однако, как в 1994 г., так и в 2006 г., большинство респондентов (54%) предпочли небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне [10, с. 296]. Согласно данным ВЦИОМ, в 2017 году наблюдалась аналогичная картина. Несмотря на рост позитивного отношения к предпринимательству со стороны россиян (в 2009 г. 41% оценивал свое отношение к предпринимателям как хорошее, в 2017 г. — 74%), число желающих иметь собственный бизнес, быть предпринимателем за десятилетие фактически не изменилось. О таком желании заявили 27% опрошенных. Большинство (67%) не хотят заниматься предпринимательской деятельностью (7).

В условиях преобладания в российском обществе экономических опасений инициатива модернизации снова принадлежит государству. Однако сами россияне затрудняются в определении тех групп, которые должны стать основными проводниками модернизации. По данным проведенного в декабре 2009 г. ВЦИОМ опроса, большинство россиян (59%) не смогли назвать общественные силы, способные внедрять инновации в российском обществе, а 23% уверены, что таких сил не существует. При этом 5% в качестве такой силы называли государство, по 4% — бизнесменов и ученых, 3% — политиков, 2% — молодежь (8).

Сегодня осуществление модернизации возможно на основе инновационного развития [11]. Поэтому говоря об отношении населения к модернизации, об ее субъектах, нельзя обойти вопрос об отношении населения России к инновациям. Опросы 2016 года показывают положительное отношение россиян к инновациям, признание наличия инновационных сегментов в отечественной экономике, присутствие потребности в инновационных изменениях в экономике и социальной сфере. При этом, когда речь заходит о готовности внедрять инновационные идеи, 26% выражают такую готовность, но при условии поддержки со стороны государства (9).

Несмотря на заметный патернализм, россияне демонстрируют амбивалентное отношение к государству. С одной стороны, государство рассматривается как гарант безопасности, справедливости и экономического благополучия, как управляющий собственностью, которому принадлежит доминирующие позиции в экономике [12, с. 108]. С другой стороны, россияне склонны идентифицировать себя с малыми группами — семьей, близкими людьми [13]. То есть «бытийное гнездо» (А. Вежицкая) составляют экзистенциальные связи на микросоциальном уровне. Не исключено, что это проявление амбивалентного отношения к государству, характерного для российского менталитета и вынуждающего человека жить в условиях параллельного существования двух реальностей — реальности индивидуальной жизни, межличностных отношений и реальности формальных государственных учреждений и организаций, с которыми русский человек сталкивался на протяжении всей истории России. Эту особенность российской действительности в свое время отмечали славянофилы, писавшие о «земле и государстве» как о необходимых, но чуждых друг другу феноменах. С. Л. Франк в одном из своих философских сочинений писал о том, что начиная с петровских

временем, в России сформировались две враждебные друг другу культуры — народная и аристократическая, западная. С. Климова отмечает, что в 90-е годы XX века в результате постсоциалистической травмы оформилось параллельное существование институциональных и личностных структур, разрыв между которыми препятствовал развитию гражданского общества и экономическому росту [14, с. 54–55].

Итак, казалось бы, менталитет является настолько устойчивым и малоподвижным компонентом происходящих в России социальных процессов, что без «подгонки» под него политической системы, экономики, других аспектов общественной жизни немыслимо их эффективное функционирование. В общественных науках менталитет становится частью объяснительной модели специфики управления политической системой в России, абсолютизируется его роль в выборе того или иного пути развития России. Между тем, пожалуй, более прав был Д. С. Лихачев, считавший, что менталитет не является раз и навсегда данной реальностью, которую нельзя изменить. По его мнению, следует развивать положительные черты и качества русского человека и ограничивать развитие негативных [15, с. 5–6]. Действительно, если признать, что на формирование российского менталитета оказали влияние климатические условия, пространство страны или религия, следует признать и факт ослабления их влияния в современном обществе. В то же время верно и обратное утверждение: при определенных условиях те или иные черты российской ментальности обостряются, начинают играть заметную роль в поведении, в оценках происходящих событий.

Как нам представляется, влияние менталитета на поведение сегодняшнего россиянина опосредовано культурными и экономическими факторами. Например, с точки зрения некоторых ученых, для российского менталитета традиционным является негативное отношение к богатству и деньгам как чему-то несправедному, преступному, разлагающему личность и искажающему отношения между людьми [16, с. 46–48]. Однако, как показывают некоторые социологические опросы, хотя в целом 76,3% россиян соглашались с пословицей «трудом праведным не наживешь палат каменных», все же выражают согласие с ней в большей степени бедные (83,6%), чем богатые (44,9%) [17, с. 16]. Выскажем предположение, что рост материального благосостояния, связанный не с деятельностью государства, а с активностью самих граждан, — это условие ослабления влияния на поведение архаичных ментальных паттернов, условие успешного экономического поведения, формирования среднего класса, отличающегося свободным мышлением и компетентным, инновационным поведением. Среди представителей среднего класса преобладают ценности индивидуализма (жить ярче и лучше, чем другие), самостоятельности, инициативности, равенства возможностей [18, с. 56]. Как отмечает Л. А. Беляева, средний класс не удовлетворяется только запросами повышения уровня материального благосостояния. Не менее важным для представителей среднего класса является использование культурного капитала для достижения желаемых материальных благ [19, с. 4–5]. Не случайно, социологические исследования демонстрируют, что среди бедных ориентированы на карьеру лишь 5%, тогда как среди богатых — 81% [20, с. 198].

В этой связи можно полагать, что проблема модернизации связана с проблемой социокультурных изменений, формирования культурного капитала, основанного и в то же время предопределяющего развитие самостоятельности, инициативности, способности принимать решения и нести ответственность. Иными словами, речь идет о модернизации культуры, формирующей не только паттерны потребления, но и модели социальной активности и трудового поведения. Роль государства в этом случае, как представляется, должна заключаться в создании предпосылок для формирования культуры

самостоятельности и социальной активности, которая могла бы стать основой реализации программ модернизации на разных уровнях общественной жизни.

При этом необходимо помнить, что чрезмерное государственное вмешательство в различные сферы общественной жизни содержит риски авторитаризма, неизбежного в силу природы государства, обладающего монополией на насилие. Поэтому государственная политика требует такого подхода, который создал бы баланс между давлением бюрократической системы государства на общество и свободой творческой деятельности, между объективной необходимостью модернизации и инициативами гражданского общества.

Источники:

- (1). Общественное мнение - 2008. М.: Левада-Центр, 2008. 192 с.
- (2). Модернизация в умах. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2011/11/22/modernizatsiya-v-umah> (дата обращения).
- (3). Общественные настроения и протестный потенциал. Пресс-выпуск №1509 от 04.06.2010 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13561> (дата обращения 15.10.2017).
- (4). Акции протеста: атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе? Пресс-выпуск №2758 от 23.01.2015 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115126> (дата обращения 15.10.2017).
- (5). Оценка вероятности массовых протестов. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2008122403.html> (дата обращения 15.10.2017).
- (6). Достижительские установки россиян. URL: <http://www.levada.ru/press/2010051701.html>
- (7). Предпринимательство и самозанятость в России. Пресс-выпуск №3314 от 27.02.2017 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116082> (дата обращения 15.10.2017).
- (8). Модернизация России, ее друзья и враги. Пресс-выпуск №1382 от 08.09.2009 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12864> (дата обращения 15.10.2017).
- (9). Инновации в России: от идей - к практике. Пресс-выпуск №3132 от 17.06.2016 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115737> (дата обращения 15.10.2017).

Список литературы:

1. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. Разд. 2. С. 233-247.
2. Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 217-246.
3. Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект // Перспективы. Фонд исторической перспективы. 07/12/2007. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984> (дата обращения 15.10.2017).
4. Бакурский М. В. Российский менталитет и его роль в отечественных модернизационных процессах: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2002. 143 с.

5. Бритикова. Модернизация и глобализация: перспективы и противоречия // Общество и право. 2014. №1 (47). С. 286-290.
6. Никовская Л. И., Молокова М. А. Особенности российской экономической ментальности и этические модели поведения в бизнесе // Социальная справедливость в современном мире: сборник статей. М.: Ключ-С, 2017. С. 403-417.
7. Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страх на постсоветском пространстве: Украина и Литва // Страхи и тревоги россиян. СПб.: РХГИ, 2004. С. 139-169.
8. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №1 (93). С. 33-58.
9. Перова И. Безработица в оценках населения: опасения и ожидания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №1 (93). С. 70-76.
10. Петухов В. В. Демократия и возможности социальной мобильности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 281-300.
11. Комков Н. И. Инновационная модернизация и технологическое развитие: отказ или корректировка стратегии? // Модернизация. Инновации. Развитие. 2013. №3 (15). С. 4-11.
12. Горшков М. К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. №6. С. 100-114.
13. Волков Ю. Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социологические исследования. 2006. №7. С. 13-22.
14. Климова С. Г. Ломка социальных идентичностей, или «мы» и «они» вчера и сегодня // Десять лет социологических наблюдений / под ред. А. А. Чернякова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 39-55.
15. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. №4. С. 3-6.
16. Зарубина Н. Н. О мифологии денег в российской культуре // Социологические исследования. 2007. №3. С. 43-52.
17. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. №3. С. 16-21.
18. Мареева С. В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. №1 (369). С. 55-63.
19. Беляева Л. И. И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. 2007. №5. С. 3-13.
20. Тихонова Н. Е., Тихонова Н. Е. Социальная стратификация российского общества. Опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2003. 320 с.

References:

1. Ermakhanova, S. A. (2005). *Teoriya modernizatsii: istoriya i sovremennost. Aktualnye problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya: vzglyad molodykh uchenykh*. Novosibirsk, Razd. 2. 233-247
2. Poberezhnikov, I. V. *Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii* // *Problemy istorii Rossii*. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Volot, 2001. 217-246
3. Fedotova, V. G. *Ot dogonyayushchei modernizatsii k natsional'noi: teoreticheskii aspekt*. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984>

4. Bakurskii, M. V. (2012). Rossiiskii mentalitet i ego rol v otechestvennykh modernizatsionnykh protsessakh: diss. ... kand. sotsiol. nauk. Moscow, 143
5. Britikova. (2014). Modernizatsiya i globalizatsiya: perspektivy i protivorechiya. *Obshchestvo i pravo*, (1), 286-290
6. Nikovskaya, L. I., Molokova, M. A. Osobennosti rossiiskoi ekonomicheskoi mental'nosti i eticheskie modeli povedeniya v biznese // *Sotsialnaya spravedlivost v sovremennom mire: sbornik statei*. M.: Klyuch-S, 2017. 403-417
7. Shubkin, V. N., Ivanova, V. A. Strakh na postsovetskom prostranstve: Ukraina i Litva // *Strakhi i trevogi rossiyan*. SPb.: RKhGI, 2004. 139-169
8. Magun, V., Rudnev, M. Zhiznennye tsennosti rossiiskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeiskimi stranami // *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. (1). 33-58
9. Perova, I. Bezrobotitsa v otsenkakh naseleniya: opaseniya i ozhidaniya // *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. (1). 70-76
10. Petukhov, V. V. Demokratiya i vozmozhnosti sotsialnoi mobilnosti // *Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik / Otv. red. M. K. Gorshkov. Vyp.6*. M.: Institut sotsiologii RAN, 2007. 281-300
11. Komkov, N. I. Innovatsionnaya modernizatsiya i tekhnologicheskoe razvitie: otkaz ili korrektsirovka strategii? *Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie*, 2013. (3), 4-11
12. Gorshkov, M. K. (2008). Rossiiskii mentalitet v sotsiologicheskom izmerenii. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), 100-114
13. Volkov, Yu. G. (2006). Rossiiskaya identichnost: osobennosti formirovaniya i proyavleniya. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (7), 13-22
14. Klimova, S. G. Lomka sotsialnykh identichnostei, ili "my" i "oni" vchera i segodnya // *Desyat let sotsiologicheskikh nablyudenii / Pod red. A. A. Chernyakova*. M.: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2003. 39-55.
15. Likhachev, D. S. O natsionalnom kharaktere russkikh // *Voprosy filosofii*. 1990. №4. 3-6.
16. Zarubina, N. N. (2007). O mifologii deneg v rossiiskoi kulture. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 43-52
17. Gorshkov, M. K., & Tikhonova, N. E. (2004). Bogatstvo i bednost v predstavleniyakh rossiyan. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 16-21
18. Mareeva, S. V. Tsennostnye orientatsii i predstavleniya srednego klassa o zhelaemom vektore razvitiya strany // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. (1). 55-63
19. Belyaeva, L. I. (2007). I vnov o srednem klasse Rossii. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5), 3-13
20. Tikhonova, N. E., Tikhonova, N. E. Sotsialnaya stratifikatsiya rossiiskogo obshchestva. *Opyt empiricheskogo analiza*. M.: Institut sotsiologii RAN, 2003. 320

*Работа поступила
в редакцию 07.11.2017 г.*

*Принята к публикации
12.11.2017 г.*

Ссылка для цитирования:

Баринов Д. Н. Социокультурные аспекты модернизации России // *Бюллетень науки и практики. Электрон. журн.* 2017. №12 (25). С. 466-474. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/barinov-d-n> (дата обращения 15.12.2017).

Cite as (APA):

Barinov, D. (2017). Sociocultural aspects of Russia's modernization. *Bulletin of Science and Practice*, (12), 466-474